

ВЪЕЗДНОЙ ТУРИЗМ В ПОСТСОВЕТСКИХ ДЕ-ФАКТО ГОСУДАРСТВАХ

© 2021 г. С. В. Голунов^{a, b, *}, М. В. Зотова^{a, **}

^aИнститут географии РАН, Москва, Россия

^bИМЭМО РАН, Москва, Россия

*e-mail: sergei.golunov@gmail.com

**e-mail: zotova@igras.ru

Поступила в редакцию 14.07.2021 г.

После доработки 10.08.2021 г.

Принята к публикации 16.08.2021 г.

В статье рассматриваются особенности развития въездного туризма в шести постсоветских де-факто республиках – Абхазии, Нагорном Карабахе, Приднестровье, Южной Осетии, Донецкой и Луганской Народных Республиках. Проанализирована территориальная структура туризма, его количественные показатели и их динамика. Оценка современного состояния проведена с помощью методов SWOT-анализа: изучены сильные и слабые стороны, а также возможности и угрозы, препятствующие развитию туристического бизнеса. Выделена группа республик – Абхазия, Приднестровье и Нагорный Карабах (до войны 2020 г.), где туризм был или в настоящее время развит лучше как за счет накопленного туристского потенциала и имеющихся ресурсов, так и благодаря активной политике местных властей и относительно стабильной военно-политической обстановке. Въездной туризм в этих республиках служит важным источником получения доходов и средством укрепления внешней легитимности. Возможности остальных непризнанных государств (Южной Осетии, Донецкой и Луганской Народных Республик, а также Нагорного Карабаха после войны 2020 г.) в сфере въездного туризма сильно ограничены слабостью рекреационных и финансовых ресурсов, высокими рисками дестабилизации политической и экономической ситуации и внешними угрозами. В отличие от развития туризма в признанных международным сообществом государствах будущее туризма в де-факто республиках в значительной степени определяется проблемами безопасности и рисками возобновления военных действий. Сравнение туристического бизнеса в постсоветских непризнанных республиках и других непризнанных государствах в мире позволило выделить схожие группы по видам туризма, типам туристских аттракторов, а также вкладу в ВВП государства и количеству принимаемых туристов. В Абхазии, Палестине и Северном Кипре наиболее распространены пляжный и культурно-познавательный туризм, которые привлекают ежегодно 1–2 млн туристов, приезжающих, как правило, из сопредельного признанного государства в рамках однодневного тура. Менее популярен туризм в Приднестровской Молдавской Республике и Косово, где природные и культурные памятники посещает примерно по 25 тыс. туристов в год. И наконец, в Донецкой и Луганской Народных Республиках, Сомали, Азад Кашмире, Сахарской Арабской Демократической Республике и Нагорном Карабахе (после войны 2020 г.) из-за нестабильной военно-политической обстановки развит только экстремальный и военный туризм, а число туристов не превышает 1 тыс. человек в год.

Ключевые слова: въездной туризм, де-факто государства, Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Приднестровская Молдавская Республика, ДНР, ЛНР

DOI: 10.31857/S2587556621050125

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Самоуправляемое политическое образование, провозгласившее свое отделение от материнского государства или фактически отделившееся от него без формального провозглашения независимости (Caspersen, 2012, p. 12), но при этом нелегитимное для ООН, чаще всего обозначается терминами “де-факто государство” (de facto state) или “непризнанное государство” (unrecognized state)¹.

Хотя многие авторы не делают принципиальных различий между этими понятиями (Kolsto, 2006), в англоязычной литературе чаще используется термин de facto state, а термин unrecognized state занимает значительно более слабые позиции в политологическом лексиконе (Попов, 2011). Особую роль во взаимоотношениях с такими государствами играет “материнское государство”, из которого произошла сецессия, а также, во многих

¹ В статье оба термина употребляются как равнозначные.

Таблица 1. Основные характеристики постсоветских де-факто государств

Показатель	Абхазия	НКР	ПМР	Южная Осетия	ДНР	ЛНР
Площадь территории, тыс. км ² , 2021 г.	8.7	3.2	4.2	3.9	8.5	8.4
Численность населения, тыс. чел., 2019 г.	245.2	147	465.2	56.4	2244	1450
ВВП, млн долл., 2018 г.	473.5	480	856.4	82.3	н/д	н/д
ВВП на душу населения, долл., 2018 г.	1931	3282	1833	1458	н/д	н/д

случаях, “государство-патрон”, обеспечивающее неприкосновенность и экономическую жизнеспособность фактически независимых образований.

В ходе распада СССР на фоне общего экономического, внешнеполитического и демографического кризиса разгорелся ряд межнациональных конфликтов, которые привели к появлению сразу нескольких де-факто государств. В первой половине 1990-х годов на постсоветском пространстве возникли Республика Абхазия, Нагорно-Карабахская Республика (НКР, Республика Арцах), Приднестровская Молдавская Республика (ПМР) и Республика Южная Осетия (РЮО). Конфликт в Украине привел к появлению на ее территории в 2014 г. двух новых де-факто государств — Донецкой Народной Республики (ДНР) и Луганской Народной Республики (ЛНР). В результате азербайджано-армянского конфликта 2020 г. положение НКР существенно ухудшилось: из самого крупного постсоветского непризнанного государства республика превратилась в самое маленькое по площади и численности населения и утратила значительную часть своего экономического потенциала (табл. 1).

К настоящему времени появилось заметное количество работ, посвященных феномену непризнанной государственности в целом, перспективам де-факто государств добиться международного признания, их взаимоотношениям с материнскими государствами и государствами-патронами, а также их внутренней политической жизни (Berg, Vits, 2018; Caspersen, 2012; Murphy, 2010; Sidaway, 2003). На этом фоне гораздо меньшее внимание уделяется исследованиям социально-экономических проблем этих государств. Такого рода белые пятна затрудняют проведение полноценного анализа их жизнеспособности. Но именно создание и распределение экономических и политических благ приводит к росту внутреннего суверенитета де-факто государств и рассматривается как важнейшая предпосылка роста внешнего суверенитета, который проявляется в разной степени фактического признания (Колосов и др., 2021).

Развитие международного туризма — одна из значимых экономических, социальных и, отчасти, политических проблем для постсоветских де-факто государств. Она многомерна и переплетается

с рядом других проблем, таких как привлечение инвестиций, развитие инфраструктуры, здравоохранения, обеспечение безопасности и правопорядка, продовольственное обеспечение, развитие средств массовой коммуникации и т.п. Государства де-факто, пытаясь решить эти проблемы, имеют в своем распоряжении очень ограниченные ресурсы и вынуждены преодолевать препятствия, создаваемые непризнанностью. Для их решения используются разные подходы, в том числе концентрация ресурсов лишь на самых важных направлениях, передача некоторых сфер под контроль государств-патронов и получение от них субсидий (Fgear, 2014).

Туризм динамично развивался во всех рассматриваемых постсоветских де-факто государствах еще в период существования СССР. Сегодня его стимулирование является одной из важных задач, так как может принести заметный доход, способствовать развитию ряда отраслей экономики, использоваться для расширения внешнего суверенитета, как шаг на пути к постепенному международному признанию. Как правило, для этого используются парадипломатические, деловые и неформальные сетевые связи (Fgear, 2014), для установления и поддержания которых развитие туризма — важный повод.

Однако в большинстве случаев результаты усилий по развитию туризма в постсоветских де-факто государствах пока оказываются довольно скромными. Их туристические комплексы, отчасти исключая Абхазию, не соответствуют критериям сложившегося туристического рынка, для которого характерны интенсивность рекреационного движения, многовариантность экономических связей, высокая конкуренция, широкая информированность продавцов и покупателей турпродукта, наличие возможностей для крупных капиталовложений, развитость коммуникаций и т.п. (Александрова, 2015).

Тем не менее де-факто государства имеют шанс занять свою нишу на международном туристическом рынке. Помимо относительно низкой стоимости туристических услуг, некоторые перспективы для них может открыть переориентация части туристического потока на новые направления в условиях окончания эпохи массовых пакетных туров, расширения использования электронных систем бронирования и изменения традици-

онной модели туристического потребления с “3S” (Sea—Sun—Sand / море—солнце—пляж) на “3L” (Lo—re—Landscape—Leisure / традиции—ландшафт—отдых) (Шабалина, Тикунова, 2016).

Туристический имидж, вписывающийся в модель “3L”, во многих случаях может импонировать инициативным путешественникам, желающим побывать в регионе с необычным политическим статусом, получить уникальный опыт и ощутить культурную аутентичность дестинации. Де-факто государства могут быть привлекательными в глазах путешественников, ставящих целью посетить как можно больше стран и территорий с особым политическим статусом. Пересечение де-факто границы представляет собой особый опыт с элементами приключения для тех, кто хочет наблюдать кросс-границные различия и посетить “две страны по цене одной” (Timothy, 2001). Кроме того, спорные территории, зоны нынешних и бывших конфликтов в последнее время приобрели популярность как экзотические достопримечательности (Mostafanezhad, 2020).

В статье рассмотрены особенности функционирования въездного туризма в постсоветских де-факто государствах на основе SWOT-анализа, который часто применяется для оценки развития туристической сферы (например, Гончарова, Яковенко, 2015; Спицына, 2011 и др.). В первой части статьи проанализировано состояние туристической отрасли в каждом из постсоветских непризнанных государств, ее количественные показатели и их динамика. Затем проведен совокупный SWOT-анализ развития туризма всех постсоветских непризнанных республик: сначала рассмотрены сильные и слабые стороны, затем — угрозы и возможности. В заключение проведен их синтез, определены перспективы развития отрасли.

Исследование опирается на собранную и систематизированную информацию официальных сайтов де-факто государств, информационных и туристических агентств и крупнейшего российского туристического форума — Форума Винского, а также на полевые наблюдения авторов и полуструктурированные интервью с местными экспертами в ходе экспедиций в НКР и ПМР в 2019 г. Эта информация была систематизирована по релевантным ключевым словам (например, “туризм”) и обработана с помощью метода качественного контент-анализа, проведенного с использованием программы MAXQDA.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Состояние туризма, его количественные показатели и пространственная дифференция

Несмотря на все сложности, на сегодняшний день постсоветские де-факто государства имеют

определенную туристическую притягательность. При этом в каждом из шести постсоветских де-факто государств туристическая отрасль имеет свою специфику.

Существенно выделяется на фоне остальных **Республика Абхазия**, первые санатории на территории которой появились еще в конце XIX в., после того как на XII международном съезде врачей 1898 г. в Москве Сухум официально был провозглашен “превосходной климатической станцией для больных туберкулезом”². В советское время Абхазия была всесоюзной здравницей, на территории республики расширялись и благоустраивались курорты, действовало около 50 санаториев, домов отдыха и пансионатов, в которых ежегодно отдыхали более 560 тыс. человек (Argun, Bartsits, 2012). Поэтому неудивительно, что сегодня Абхазия сильно опережает остальные постсоветские де-факто государства по уровню развития туризма, его значению в жизни страны и количеству принимаемых иностранных туристов (табл. 2). Однако реально оценить роль туризма в экономике и число посещающих республику туристов довольно сложно. По оценкам экспертов, фактический оборот туристической сферы в четыре раза больше фиксируемого официальной статистикой и в 2015 г. составлял примерно 30–35% ВВП республики³. Официальные данные по количеству приезжающих в Абхазию туристов очень разнятся: от 600–700 тыс. до 3.5 млн человек в год⁴. Обычно эксперты оценивают ежегодный туристический поток приблизительно в 1 млн человек, большую часть которых составляют граждане РФ⁵. В то же время только 110–150 тыс. чел. ежегодно (в период с 2012 по 2019 г.) идентифицировались республиканской статистикой в качестве пользователей санаторных и гостиничных услуг. При этом численность участников экскурсий⁶ в

² “Черноморская ривьера”, или немного из истории туризма в Абхазии // Sputnik Abkhazia. 22.06.2015. <https://sputnik-abkhazia.ru/tourism/20150622/1014963033.html> (дата обращения 10.07.2021).

³ Абхазский туризм: реальный оборот в четыре раза больше декларируемого // Эхо Кавказа. 21.07.2016. <https://www.ek-hokavkaza.com/a/27872121.html> (дата обращения 05.07.2021); Экономические потери Абхазии из-за пандемии весьма значительны. Известия. 11.08.2020. <https://iz.ru/1046272/tatiana-baikova/ekonomicheskie-poteri-abkhazii-iz-za-pandemii-vesma-znachitelny> (дата обращения 05.07.2021).

⁴ По данным пограничной статистики, включающей жителей Гагрского района, которые ежедневно пересекают границу с повседневными бытовыми целями.

⁵ Премьер-министр Беслан Барциц принял участие в совещании по подготовке к курортному сезону / Кабинет министров Республики Абхазия. 4.04.2018. https://km-ra.org/news/premer-ministr-beslan-bartsits-prinyal-uchastie-v-soveshchani-podgotovke-k-kurortnomu-sezonu.html?sphrase_id=705 (дата обращения 20.11.2019).

Таблица 2. Численность иностранных туристов в постсоветских де-факто государствах в 2015–2019 гг., человек

Год	Абхазия	НКР	ПМР	Южная Осетия	ДНР	ЛНР
2015	1 500 000	16 589	1640	н/д	н/д	н/д
2016	1 300 000	13 960	2605	н/д	126	н/д
2017	800 000	22 453	4637	400	н/д	160
2018	1 000 000	28 588	10 535	н/д	н/д	н/д
2019	1 100 000	41 963	21 473	н/д	н/д	н/д

Составлено по данным: Национальная статистическая служба Республики Арцах (<http://www.stat-nkr.am/ru/>); Государственная служба статистики Приднестровской Молдавской Республики (<http://mer.gospmr.org/gosudarstvennaya-sluzhba-statistiki/informacziya/osnovnye-pokazateli-turisticheskoy-deyatelnosti.html>); Туризм. Материалы министерства экономики Республики Арцах. http://web.archive.org/web/20170105144311/http://mineconomy.nkr.am/?page_id=583&lang=ru (дата обращения 20.06.2021); В Донбасс по турпутевке // Газета. 13.06.2016. https://www.gazeta.ru/politics/2016/06/13_a_8297795.shtml?updated (дата обращения 20.06.2021); Премьер-министр Беслан Барциц принял участие в совещании по подготовке к курортному сезону / Кабинет министров Республики Абхазия. 4.04.2018. https://km-ra.org/news/premer-ministr-beslan-bartsits-prinyal-uchastie-v-soveshchani-po-podgotovke-k-kurortnomu-sezonu.html?sphrase_id=705 (дата обращения 20.11.2019); Туристический сезон в Абхазии побил по числу гостей рекорд за 30 лет // РИА Новости. 13.07.2021. <https://ria.ru/20210713/abkhaziya-1741026666.html> (дата обращения 20.07.2021).

2019 г. составила 984,3 тыс. чел.⁷ Все это говорит о недостаточно полном статистическом учете числа отдыхающих, высокой роли частного сектора в размещении и однодневных туров. Последние являются спецификой туристического сектора не только Абхазии, но и других де-факто государств, так как в силу географической близости и особенностей транспортного сообщения большая часть туристов приезжает либо из соседнего государства-патрона (в случае НКР, Абхазии и Южной Осетии), либо из материнского государства (в случае ПМР). В Абхазии это обусловлено, в том числе, и географическими особенностями распределения объектов: большинство из них сконцентрировано в северной части – в Гагрском и Гудаутском районах, недалеко от границы с Россией (рис. 1). Российских туристов в Абхазию привлекает либо пляжный отдых с экскурсиями (упомянутая выше модель “3S”), либо однодневные туры к таким достопримечательностям, как Симоно-Кананитский монастырь и пещера в Новом Афоне, оз. Рица, Сухумский ботанический сад и обезьяний питомник и др. По количеству отелей, упомянутых на официальном туристическом портале Абхазии, лидирует Гагра (51) и столица Сухум (29), далее следуют пляжные морские курорты Пицунда (18), Новый Афон (14), Цандрыпш (13) и Гудаута (8)⁸. Практически не используются для туризма территории южнее Сухума (за исключением Ткуарчала и Акармара, сильно пострадавшие в результате грузино-абхазского конфликта), в том числе потенциал населенного в ос-

новном мегрелами и граничащего с Грузией Гальского района, что может быть связано с его политической изолированностью и озабоченностью абхазских властей по поводу сепаратистских настроений.

Туризм в **НКР** начал развиваться только во второй половине 2010-х годов благодаря целенаправленной политике местных властей. Значения официальных показателей уровня его развития существенно ниже, чем в Абхазии (см. табл. 2). Нерешенность конфликта и постоянные риски возобновления военных действий в Нагорном Карабахе довольно долго тормозили развитие туризма. Поначалу туристический имидж постсоветского Нагорного Карабаха формировался преимущественно с расчетом на притягательность для живущих за его пределами армян. Республика позиционировала себя как хранитель важнейшей части армянского историко-культурного наследия, включая материальные памятники, традиции и карабахский диалект армянского языка. Только в середине 2010-х годов поток туристов из третьих стран в регион стал увеличиваться, в том числе благодаря строительству новой современной автомобильной дороги вдоль берегов Севана и через Варденис, что значительно улучшило доступность и транспортную связность непризнанной республики. Группы туристов из европейских стран привлекали районы с уникальным природным разнообразием, горные монастыри, археологические памятники, древние пещерные поселения, а также руины построек, разрушенных во время Карабахской войны. В середине 2010-х годов ведущие западные газеты (*The Guardian*, *The New York Times*, *The Huffington Post* и др.) уделяли заметное внимание Арцаху, включая его в список лучших стран для летнего приключенческого отдыха (Dixon et al., 2015), безопасных и лучших мест для туристов с ограниченным бюджетом

⁶ Хотя один человек мог посетить сразу несколько экскурсий.

⁷ Государственный комитет Республики Абхазия по статистике. https://ugsra.org/ofitsialnaya-statistika.php?ELEMENT_ID=422 (дата обращения 22.11.2019).

⁸ <https://abkhazia.travel> (дата обращения 20.11.2019).

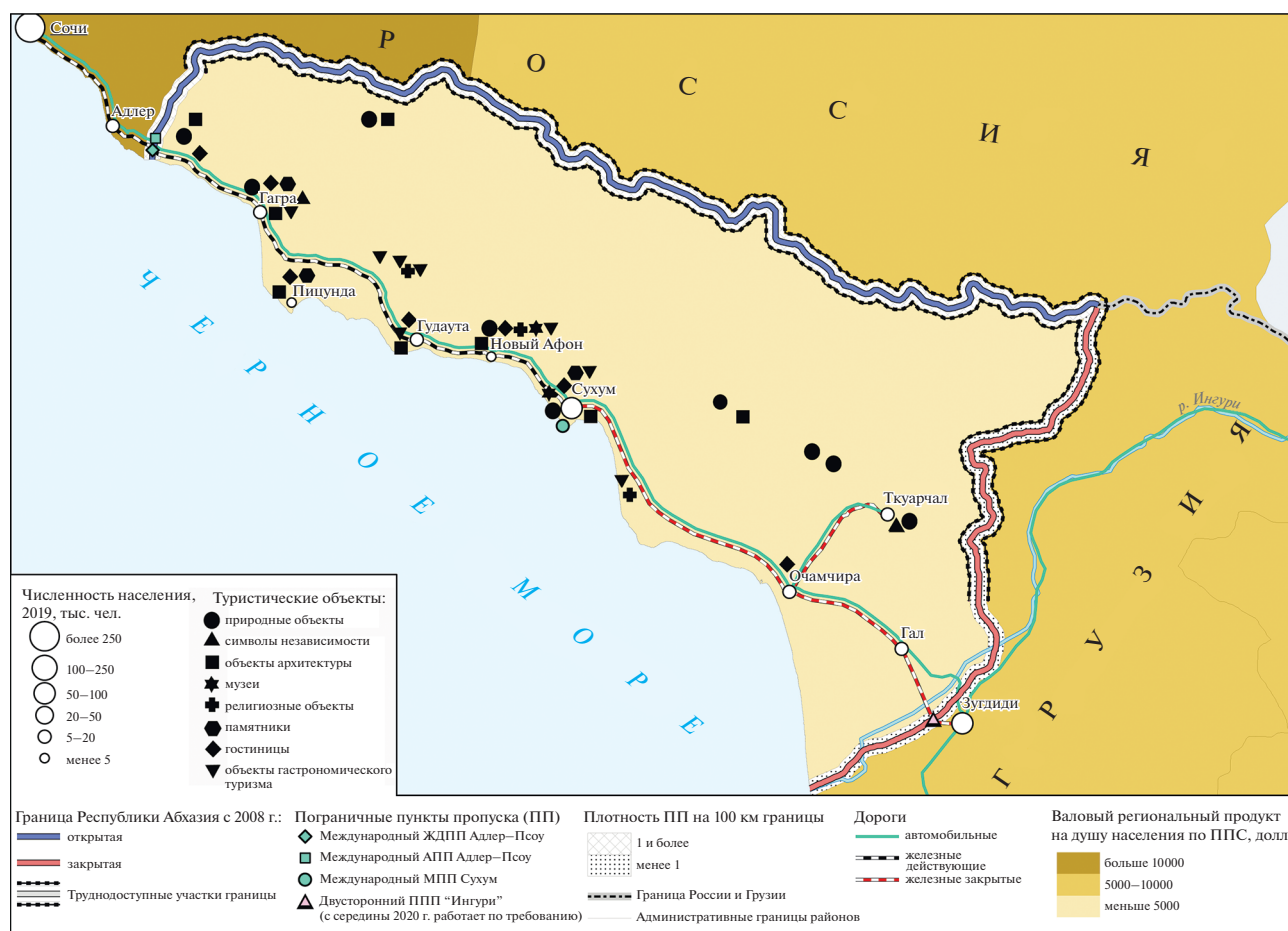

Рис. 1. Важнейшие туристические объекты на территории Абхазии.

Составлено авторами на основе модифицированной картосхемы из (Kolosov, Zotova, 2021). Источник информации о достопримечательностях — официальный туристический сайт Абхазии (<https://abkhazia.travel>).

(Kugel, 2015; Juskalian, 2012), а также идеальных мест для людей, ищущих приключения на неизведанных территориях (Katrandjian, 2012).

С целью привлечения туристов правительство НКР разработало и приняло ряд программ, велась работа по восстановлению туристской инфраструктуры, а также формированию и распространению благоприятного имиджа Республики Арцах как туристической страны, постоянно проводились презентации туристского потенциала региона на многочисленных международных выставках, в страну приглашались иностранные журналисты и туроператоры⁹. Власти НКР старались привлекать иностранных инвесторов (в основном представителей армянской диаспоры) к реставрации исторических памятников, созданию новых музеев и информационных туристических

центров в городах Степанакерт и Шуши¹⁰, строительству гостиниц¹¹.

Вклад туризма в ВВП НКР в 2016 г. составлял 3%¹². Оценить размер фактического потока туристов в НКР довольно сложно, так как большую их часть составляют граждане Армении и представители армянской диаспоры. А на границе между НКР и Арменией обладателей армянских паспортов не регистрировали. По официальным данным, к 2020 г. Арцах посетили туристы из 95 стран мира, большинство — из России, США, Ирана и Франции. С 2007 г., согласно данным Управле-

⁹ Туризм. Материалы министерства экономики Республики Арцах. http://web.archive.org/web/20170105144311/http://mineconomy.nkr.am/?page_id=583&lang=ru (дата обращения 20.06.2021).

¹⁰ В тексте статьи приводятся армянские названия населенных пунктов; на рис. 2 — армянские и азербайджанские.

¹¹ В целом по НКР в период с 1990-х по конец 2010-х годов количество гостиниц увеличилось с 4 до 70.

¹² Число туристов, посетивших Карабах в 2016 г., уже достигло 15 тыс. человек — Минэкономики НКР // Arka.am. 05.10.2016. http://arka.am/ru/news/tourism/chislo_turistov_posetivshikh_karabakh_v_2016_godu_uzhe_dostiglo_15_tysyach_chelovek_minekonomiki_nkr/ (дата обращения 10.07.2021).

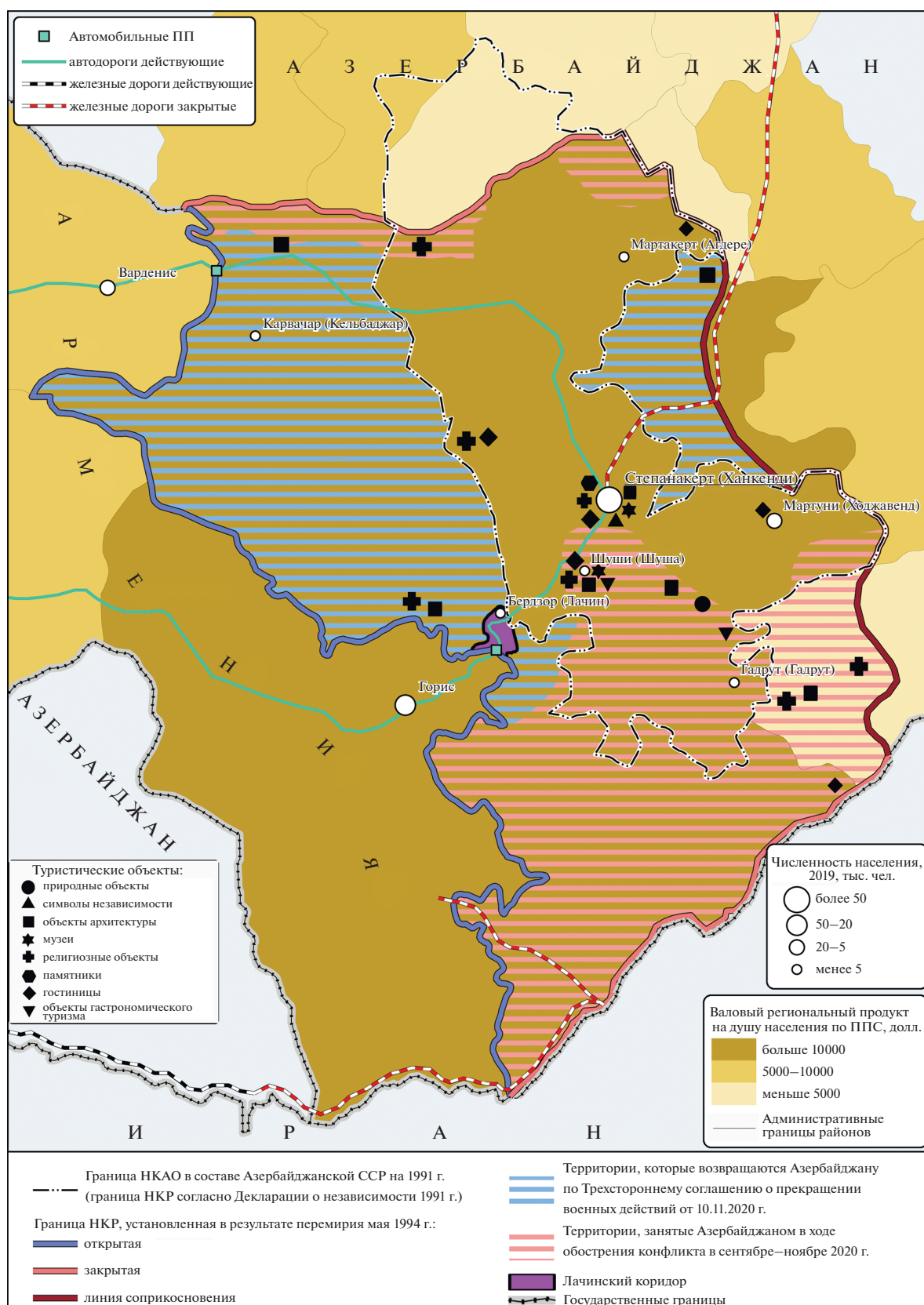

Рис. 2. Важнейшие туристические объекты на территории НКР.

Составлено авторами на основе модифицированной картосхемы из (Kolosov, Zotova, 2021). Источник информации о достопримечательностях — официальный туристический сайт НКР (<http://artsakh.travel>).

ния по туризму НКР, поток иностранных туристов ежегодно увеличивался на 40%. По оценкам экспертов, в 2019 г. численность интуристов вместе с гражданами Армении достигла 42 тыс. человек¹³.

Ситуация кардинально изменилась после обострения конфликта и военных действий осенью 2020 г., которые привели к сокращению размера территории, фактически контролируемой властями республики, в 3.6 раза, утрате большинства объектов историко-культурного наследия и введению российских миротворцев. Некоторые предлагаемые ранее туроператорами популярные направления, особенно для горных походов, стали недоступными или чрезвычайно опасными. Часть ключевых для культурного наследия республики объектов (Шуши, монастыри Амарас, Ганзасар, Дадиванк) по итогам трехстороннего соглашения о прекращении огня от 10 ноября 2020 г.¹⁴ оказалась на территории, отошедшей под контроль Азербайджану (рис. 2). С начала 2021 г. посещение Нагорного Карабаха иностранными гражданами стало возможным только после получения соответствующего разрешения в МИД НКР и сертификата на въезд в постоянном представительстве Республики Арцах в Ереване¹⁵. Все это существенно ограничивает возможности развития туризма в республике.

Приднестровье существенно уступает не только Абхазии, но и Нагорному Карабаху как по числу туристов, так и по доле туризма в ВВП (0.02% в 2018 г.), несмотря на наиболее спокойную обстановку и низкие риски военной эскалации, удобное транспортно-географическое положение и открытые границы с Молдовой, разнообразие культурно-исторических памятников и природных пейзажей долины р. Днестр. Особое внимание развитию туризма здесь начали уделять только в начале 2010-х годов благодаря президентским программам по развитию туризма, восстановлению и реконструкции памятников¹⁶. Создан туристический паспорт республики, в Тирасполе открыт информационный центр для туристов, реконструиро-

вана Бендерская крепость, военно-исторический мемориальный комплекс которой стал одной из наиболее популярных достопримечательностей Приднестровья.

Как и в Абхазии и НКР, оценить фактическое число туристов, прибывающих в ПМР, сложно. Так, по данным пограничной статистики, в 2016 г. было зарегистрировано 2.5 млн прибытий (с правого берега Днестра — 1.6 млн, из Украины — 238 тыс., России — 67 тыс., Румынии — 5.6 тыс., Германии — 5.4 тыс., Израиля — 4.1 тыс.). При этом было обслужено только 18 тыс. экскурсантов и 21 тыс. туристов¹⁷. Основная часть достопримечательностей ПМР компактно расположена в районе Тирасполя и Бендер (рис. 3), которые, так же как Степанакерт и Шуши, удалены друг от друга на расстояние 15 км. Это объясняет преобладание однодневных туристических поездок в ПМР (70–90%) из Молдовы, некоторые туроператоры которой сотрудничают с приднестровскими при поддержке ЕС¹⁸.

Южная Осетия в советский период была знаменита своими бальнеологическими курортами в окрестностях Джавы, где действовали пансионаты и санатории, а также природными заповедниками. Сегодня республика является самым малоизученным туристическим объектом на Кавказе и наиболее закрытым постсоветским де-факто государством. Всем иностранцам (кроме россиян) для пересечения границы требуется приглашение, оформленное приглашающей стороной в Консульском Управлении МИД РЮО. Иностранные граждане обязаны в течение трех суток зарегистрироваться по месту пребывания в Управлении иммиграционного контроля и Управлении паспортно-визовой службы МВД РЮО¹⁹. Таким образом пропуск граждан в республику тщательно контролируется местными властями (Kolosov, Zotova, 2021). Относительно открытый режим со-

¹³Что такое Нагорный Карабах // Коммерсант. 28.09.2020. <https://www.kommersant.ru/doc/4510320> (дата обращения 10.07.2021).

¹⁴Потеря Карабаха и горный туризм в Армении: какие маршруты станут опасными или невозможными // Sputnik Armenia. 01.12.2020. <https://ru.armeniasputnik.am/columnists/20201201/25544884/Poterya-Karabakha-i-gornyy-turizm-v-Armenii-kakie-marshruty-stanut-opasnymi-ili-nevozmozhnymi.html> (дата обращения 10.07.2021).

¹⁵МИД Карабаха представил новые правила въезда для иностранцев // Armenian Report. 08.02.2021. <https://armenianreport.com/ru/pubs/272441/> (дата обращения 10.07.2021).

¹⁶Проблемы и перспективы туристической отрасли в Приднестровье обсудили сегодня эксперты // Новости Приднестровья. 27.09.2012. <https://novostipmr.com/ru/news/12-09-27/problemey-i-perspektivy-turisticheskoy-otrasli-v-pridnestrove> (дата обращения 10.07.2021); В Приднестровье разработали программу развития туризма // Новости Приднестровья. 19.03.2019. <https://novostipmr.com/ru/news/19-03-19/v-pridnestrove-razrabotali-programmu-razvitiya-turizma> (дата обращения 10.07.2021).

¹⁷В Приднестровье возьмется за развитие туризма // Sputnik Молдова. 02.01.2018. https://travel.rambler.ru/news/38813127/?utm_content=travel_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения 11.07.2021).

¹⁸При поддержке ЕС в Тирасполе открыт Туристический Информационный Центр // Media Center. 05.05.2017. <https://mediacenter.md/threktor/1213-pri-podderzhke-es-v-tiraspole-otkryt-turisticheskiy-informacionnyy-centr.html> (дата обращения 21.11.2019).

¹⁹Посещающим Республику Южная Осетия. <https://rfsosetia.mid.ru/posesausim-respubliku-uznaa-osetia> (дата обращения 11.07.2021).

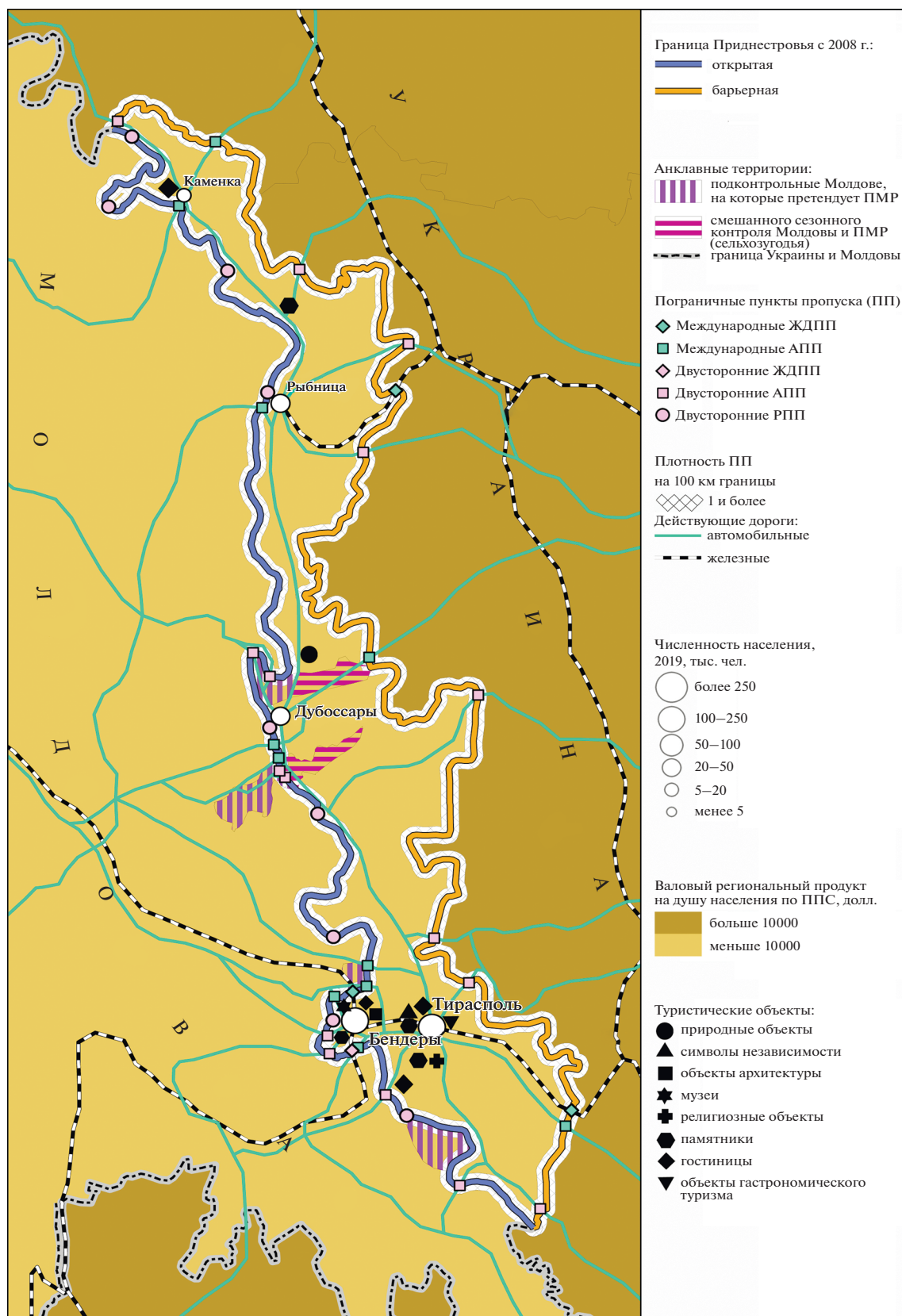

Рис. 3. Важнейшие туристические объекты на территории ПМР.

Составлено авторами на основе модифицированной картосхемы из (Kolosov, Zotova, 2021). Источник информации о достопримечательностях — официальный туристический сайт ПМР (<http://www.tourism-pmr.eu>).

храняется только для граждан РФ, которые с 2010 г. могут посещать Южную Осетию без оформления визы и поэтому преобладают во всем туристическом потоке в республику. В основном это туристы из Владикавказа, а также из Москвы и Санкт-Петербурга, которых привлекают сравнительно низкие цены, новые места, нетронутая природа и памятники древности (Кельское озеро, Дзмигское ущелье, Тирский монастырь, Джерское святилище, оз. Коз). По оценкам местных экспертов, в Южную Осетию ежегодно приезжают приблизительно 400–500 туристов²⁰.

Еще меньше туристов посещают два новых постсоветских де-факто государства на востоке Украины. Развиваясь как крупный промышленный регион, Донбасс не был популярной туристической дестинацией ни в советский, ни в постсоветский период. Туризм ограничивался поездками выходного дня в леса Святогорья, долины Северского Донца, а также на побережье Азовского моря. Развитие туризма в современных ЛНР и ДНР в значительной мере ограничиваются нестабильной политической обстановкой, военным положением, регулярными обострениями конфликта и частыми обстрелами на нескольких участках линии разграничения. По официальным данным, с января по август 2017 г. ЛНР посетило только 160 иностранных туристов²¹ (50% из стран Европы, 17% из Южной Осетии, 2% из Канады и США). Как правило, в Донбасс такие туристы приезжают в составе официальных делегаций, в том числе сотрудники ОБСЕ, ООН и Красного Креста с деловыми целями²². В 2021 г. в ДНР была разработана и утверждена Стратегия развития туризма на ближайшие четыре года, которая предусматривает комплексное восстановление, реконструкцию, развитие и благоустройство туристских территорий, развитие отдельных перспективных видов туризма и формирование турпродукта с учетом природного и культурного разнообразия Донецкой Народной Республики. Но пока сложно представить себе какое-либо развитие туризма в регионе, охваченном войной. Для оживления туристической деятельности в первую очередь необходимо полное прекращение военных действий и восстановление имеющейся транспортной и туристической инфраструктуры.

Если сравнивать уровень развития туризма в постсоветских республиках с другими де факто

государствами в мире [по типологии Д. Зайца (2020)], то ситуация в целом схожа. Отличается только Тайвань, который имеет развитую экономику и занимает 18-е место в мире по размеру ВВП на душу населения (по ППС). Доходы от туристической сферы составляют около 6% ВВП республики, ежегодно более 10 млн человек приезжает на остров с целью пляжного отдыха, посещения национальных парков, исторических и природных памятников. Палестина и Северный Кипр могут быть сравнимы с Абхазией: на их территорию ежегодно приезжает 1 и 2.2 млн туристов соответственно, в основном в рамках однодневных туров со стороны соседнего признанного государства. Палестина в основном привлекает религиозных христиан, посещающих объекты, связанные с библейской историей. Северный Кипр в последнее время стал популярным местом пляжного отдыха для граждан Турции за счет спокойной обстановки и чистых пляжей. Уровень развития туризма в Косово сопоставим с ПМР. В год в республику приезжает примерно 25 тыс. туристов, которых интересуют природные ландшафты, объекты культурного наследия, религиозные памятники, а также направляющихся транзитом из Сербии на морское побережье. В Сахарской Арабской Демократической Республике (САДР), Азад Кашмире и Сомалиленде, где сохраняется нестабильная военно-политическая обстановка, как в ЛНР и ДНР, развит только экстремальный и военный туризм, число иностранных туристов не превышает 1 тыс. человек в год. В основном это журналисты, фотографы, а также любители экстремального и приключенческого туризма, связанного с пребыванием в странах, которые юридически не существуют.

SWOT-анализ развития туризма в де-факто государствах

Несмотря на перечисленные выше различия основные *сильные и слабые стороны, угрозы и возможности* развития туристической отрасли в постсоветских непризнанных государствах в целом очень близки (табл. 3).

К *сильным сторонам* следует отнести:

- *Интересные и уникальные природно-ландшафтные достопримечательности* (например, оз. Рица, Новоафонская пещера, Гегский водопад, Юпшарский каньон, оз. Мзы в Абхазии; Сюникское плато, горы Восточного Севана, Ухтасар, источники Джермаджура, каньон Унот (Дждрдз) в НКР; долина р. Днестр в ПМР; Кельское озеро, Дзмигское и Кударское ущелья в Южной Осетии; заповедник “Хомутовская степь — Меотида”, Донецкий краж, Зуевский ландшафтный парк, Провальская степь на Донбассе) и *важные историко-культурные памятники* (Новоафонский монастырь, Анакопийская крепость в Абхазии;

²⁰Казиева А., Карсанов Г. Южной Осетии необходимо развивать туризм // Южная Осетия. 06.09.2017. <https://ugo-osetia.ru/obshhestvo/g-karsanov-yuzhnoj-osetii-neobkhodimo-razvivat-turizm> (дата обращения 20.11.2019).

²¹Без учета граждан России и Украины.

²²О состоянии и развитии туризма в республике / Официальный сайт Правительства Луганской Народной Республики. 27.09.2017. <https://sovminlnr.ru/novosti/10809-o-sostoyanii-i-razviti-turizma-v-respublike.html> (дата обращения 21.11.2019).

Таблица 3. SWOT-анализ развития туризма в постсоветских де-факто государствах

Сильные стороны	Слабые стороны
— природно-ландшафтные достопримечательности, историко-культурные памятники; — благоприятные природно-климатические условия; — низкие цены на услуги	— низкое качество туристской инфраструктуры и сопутствующих сервисов (в том числе здравоохранения); — недостаток квалифицированных специалистов и обслуживающего персонала в сфере оказания туристских услуг; — непривлекательная туристическая атмосфера (непривлекательная городская среда, плохо продуманная навигация); — низкий уровень информированности потенциальных туристов из других стран о дестинации; — низкая маркетинговая активность и включенность в международные онлайн сервисы; — отсутствие турпродуктов, соответствующих международным стандартам; — дефицит ресурсов и ярко выраженная сезонность
Угрозы	Возможности
— низкая степень безопасности (в большинстве республик — высокие риски возобновления военных действий); — снижение платежеспособного спроса основных потребителей туристского продукта; — распространение коронавирусной инфекции	— развитие новых видов туризма; — расширение и углубление сотрудничества в области туризма с другими государствами, в том числе с государством-патроном; — создание и продвижение конкурентоспособных туристских брендов, формирование привлекательного имиджа; — организация программ обучения специалистов в области туризма

монастыри Гандзасар и Дадиванк, крепости Шуши-берд, Майраберд, Тигранакерт (до 2020 г.) в НКР; Бендерская крепость, Кицканский монастырь в ПМР; крепость Зылды Масыг, Тирский монастырь, замок-дворец ксанских эриставов в Южной Осетии; места деятельности “Молодой гвардии”, гончарная мастерская села Пархоменко, монастырский комплекс “Прославление Страстей Господних”, усадьба Мсциховского на Донбассе) в сочетании с *благоприятными природно-климатическими условиями*.

• *Низкие цены на услуги.* Для многих путешественников привлекательность постсоветских туристических направлений (в частности, Абхазии) связана с ожиданиями низких цен на туристические товары и услуги. Например, аренда квартиры в непризнанных республиках стоит от 500–1000 рублей в сутки, что в 3–4 раза меньше, чем в России. Невысокие цены на услуги поддерживаются в том числе благодаря финансовой поддержке со стороны государства-патрона, которое благожелательно относится к попыткам де-факто государств утвердиться на мировом туристическом рынке. Представители власти государств-патронов периодически заключают с представителями рес-

публик соглашения о сотрудничестве в области туризма, участвуют в совместных туристических ярмарках, выставках и других подобных мероприятиях²³. Российские туристические компании ведут свою деятельность в Абхазии, армянские — в Нагорном Карабахе. Вложения в туристические комплексы остальных постсоветских непризнанных государств пока выглядят довольно рискованными.

В то же время *слабых сторон* у туристической отрасли в непризнанных государствах гораздо больше:

• *Низкое качество инфраструктуры и сопутствующих сервисных услуг, недостаток квалифицированных специалистов и обслуживающего персонала* (в сфере здравоохранения, гостиничного сектора, общественного питания, экскурсионного обслуживания). Непризнанный статус, военные действия, ограниченность финансовых ресурсов привели к серьезному устареванию и

²³ Представители ДНР принимают участие в международной туристической выставке в Москве / Министерство молодежи, спорта и туризма Донецкой Народной Республики. 13.03.2019. <http://xn--h1aheeehel.xn--placf/news/predstaviteli-dnr-prinimayut-uchastie-v-mezhdunarodnoy-turisticheskoy-vystavke-v-moskve> (дата обращения 20.11.2019).

амортизации материально-технической базы. В значительной степени продолжается интенсивная эксплуатация созданной еще в советское время транспортной и туристической инфраструктуры (особенно в Абхазии и ПМР). Ограничена транспортная доступность постсоветских де-факто государств. Ни в одном из них нет действующего гражданского аэропорта, только Абхазия и ПМР имеют железнодорожное сообщение с внешним миром. Путешествие же автотранспортом — довольно длительное: из Еревана в Степанакерт — 4–6 ч, из Ростова-на-Дону в Донецк — более 6 ч, из Владикавказа в Цхинвал — 1.5–3.5 ч, из Кишинева в Тирасполь — около 2 ч. Сильно деградировала инфраструктура здравоохранения. Для получения серьезной медицинской помощи путешествующему может понадобиться вернуться в соседнюю страну (Mostafanezhad, 2020). В условиях обострения эпидемиологической ситуации в результате распространения COVID-19 низкий уровень здравоохранения стал основным фактором, сдерживающим приезжающих туристов.

- *Низкий уровень комфортности курортной среды, несоответствие местных турпродуктов международным стандартам.* В городах и курортных зонах плохо продумана навигация (за исключением, пожалуй, Степанакерта). Во многих местах присутствуют следы войны (в первую очередь, в ЛНР и ДНР), заброшено множество объектов и зданий (канатная дорога, жилые дома и курортные объекты в Гагре, здание Верховного Совета в Сухуме), которые постепенно разрушаются. Хотя некоторые из них привлекают туристов-экстремалов, в целом они маргинализируют городскую среду, превращая ее в неухоженную и запустелую. Подобные руины, скорее, отталкивают большинство среднестатистических туристов, так как напоминают о войне и ассоциируются с разрухой. Несмотря на значительную помощь государства-патрона, средства республик на восстановление многих историко-культурных объектов и создание комфортной среды остаются крайне ограниченными.

- *Маркетинговая пассивность и низкая эффективность продвижения туристского продукта за рубежом.* Из-за непризнанного статуса возникают сложности в рекламе и продвижении туристских продуктов де-факто государств, в том числе в результате ограничения работы на их территории международных онлайн-сервисов (например, Booking.com). В результате уровень информированности потенциальных посетителей о туристских объектах в других странах (за исключением только государств-патронов) остается крайне низким. Крупные туристические компании часто не работают на рынках непризнанных государств (в первую очередь, НКР, Абхазии, Южной Осетии), так как в этом случае они рискуют получить запрет на доступ на гораздо бо-

лее прибыльный рынок материнского государства (Азербайджана и Грузии соответственно). Аналогичным образом путешественникам, совершающим несанкционированные поездки в Нагорный Карабах, Абхазию, Южную Осетию, ЛНР и ДНР, грозит длительный запрет на въезд в Азербайджан, Грузию и Украину. В последнее время также снижается прежняя толерантность молдавской стороны к въезжающим в ПМР: известны случаи депортации граждан РФ, заявивших о намерении посетить Приднестровье на пограничном контроле Кишиневского аэропорта²⁴.

- *Дефицит имеющихся в распоряжении ресурсов, подверженность сезонным колебаниям.* Большинство постсоветских де-факто государств, как правило, обладают схожим с соседними регионами материнского или государства-патрона набором достопримечательностей и в связи с этим характеризуются некоторой размытостью туристического имиджа.

Если говорить об *угрозах*, то развитие туризма в большинстве постсоветских непризнанных республик тормозит *вопрос безопасности и риски возобновления военных действий*. Особенно остро вопрос стоит в ЛНР и ДНР, где все приезжие попадают в атмосферу опасности из-за регулярных перестрелок на линии разграничения с Украиной, а также подозрительности местных военизированных служб²⁵. Некоторые из посетивших Абхазию российских туристов жалуются на кражи личного имущества, а также на вымогательство денег со стороны местной автоинспекции. Дестабилизировалась военно-политическая обстановка и в НКР после обострения конфликта осенью 2020 г. Хотя в республику введены российские миротворцы и военные действия прекращены, туристы пока опасаются посещать ее, так как многие объекты могут быть еще не разминированы. Ситуация осложняется тем, что в постсоветских де-факто государствах фактически нет иностранных консульств (за исключением российских представительств в Абхазии и Южной Осетии), что оставляет туристов без полноценной защиты со стороны своих стран в чрезвычайных ситуациях.

Внешние угрозы развития туристических услуг в непризнанных республиках связаны также с *состоянием экономики, платежеспособным спросом и динамикой курса валюты государства-патрона* (материнского государства в случае ПМР), где проживают их основные потенциальные потребители. Значительные экономические потери ту-

²⁴Въезд в Молдову через Приднестровье, выезд из другой границы. Форум Винского. <https://forum.awd.ru/view-topic.php?f=1269&t=83615> (дата обращения 20.11.2019).

²⁵Travel advisory for tourists getting ready to visit Donetsk, the "DNR". <http://ukrainian-passport.com/blog/travel-advisory-donetsk-dnr> (дата обращения 21.11.2019).

ризма были связаны с пандемией COVID-19, которая привела как к экономическому кризису и снижению реальных доходов населения, так и к введению ограничений на въезд во все республики в течение нескольких месяцев 2020 г.

К потенциальным угрозам развития туризма относится конкуренция с соседями²⁶ (например, конкурентом Абхазии являются курорты Краснодарского края, Приднестровья — долина Днестра в Молдове). Однако местные власти и предприниматели, наоборот, считают такое соседство благоприятным и рассматривают сотрудничество с соседней страной как возможность повышения конкурентоспособности местного туризма, благодаря ориентации на разные целевые аудитории и форматы отдыха.

Среди других *возможностей* развития туризма в непризнанных постсоветских республиках можно назвать сочетание его разнообразных видов (ностальгического, экстремального, военного, патриотического, гастрономического и так называемого красного). Например, сначала туристический поток в Нагорный Карабах в значительной степени формировался за счет этнических армян, которые стремились посетить один из очагов армянской цивилизации и поддержать его экономику. Затем республику стали посещать туристы-экстремалы из других стран для осмотра заброшенных достопримечательностей, военных руин и артефактов (например, контролируемый до 2020 г. НКР разрушенный азербайджанский г. Агдам)²⁷. Приднестровье благодаря сохранившимся объектам советского прошлого первое время рассматривалось как “заповедник советской эпохи” (Древицкая, Клейнер, 2017). Вслед за этим акцент сместился на позиционирование региона как перекрестка цивилизаций и культурных традиций (Бендерская крепость) в сочетании с элементами гастрономического и винного туризма. Последний имеет определенный потенциал развития на территории всех непризнанных государств: виноделие и коньячное производство (“KVINT” в ПМР, “Вина и воды Абхазии”, “Винзавод Савиных” в ЛНР); выращивание рыбы осетровых пород (ПМР, НКР); возрождение старинных рецептов местной кухни, особенно популярной среди россиян. Воплощающие в себе память о сепаратистских войнах памятники, музеи, промышленные и другие объекты (например, высота Саур-Могила, разрушенный Донецкий аэропорт в ДНР и г. Ткуарчал в Абхазии) также стали одной

из важных разновидностей туристских аттракторов во всех де-факто государствах.

Наконец, способствовать развитию туризма всех непризнанных постсоветских республик может формирование привлекательного имиджа, создание и продвижение конкурентоспособных туристских брендов, разработка и осуществление целенаправленной маркетинговой политики. Все постсоветские де-факто государства имеют правительственные органы, специализирующиеся на управлении и регулировании туризма: Абхазия — Министерство по курортам и туризму, ДНР — Министерство молодежи, спорта и туризма, НКР — Министерство культуры, молодежной политики и туризма, Южная Осетия — правительственный Комитет по молодежной политике, спорту и туризму, ПМР — Агентство по туризму, ЛНР — Министерство культуры, спорта и молодежи. Они координируют политику в области туризма, организуют реконструкцию ключевых туристических объектов и необходимой инфраструктуры, выпускают рекламные материалы, организуют международные туристические мероприятия, включают развитие туризма в повестку своих переговоров и договоров о сотрудничестве с дружественными региональными властями зарубежных стран. Так, с 2018 г. Абхазия принимает международный туристический форум “Visit Apsny”. В 2019 г. Правительство ПМР объявило о намерении принять у себя Приднестровский международный туристический форум²⁸. Усилия других де-факто государств по продвижению въездного туризма выглядят гораздо более скромными. Главным достижением властей ДНР можно считать издание туристического путеводителя по республике на русском и английском языках²⁹ и разработку стратегии развития внутреннего и въездного туризма на 2021–2025 гг.³⁰

ВЫВОДЫ

Развитие туризма как одной из отраслей современной постиндустриальной экономики становится важным инструментом увеличения внешней легитимности де-факто государств, по-

²⁶ Анализ туристической отрасли Республики Абхазия за 2019 г. / ТПП Республики Абхазия. 27.01.2020. <https://www.tppra.org/news/publication/analiz-turisticheskoy-otrasli-respubliki-abkhaziya-za-2019-god.html> (дата обращения 26.06.2021).

²⁷ Нагорный Карабах советуют. Форум Винского. <https://forum.awd.ru/viewtopic.php?f=1438&t=363268#p9431557> (дата обращения 20.11.2019).

²⁸ Об организации и проведении в 2019 году Приднестровского международного туристического форума / Приднестровская Молдавская Республика. Официальный сайт Правительства. 19.04.2019. <http://gov-pmr.org/item/14522> (дата обращения 20.11.2019).

²⁹ В Донецке представили туристический путеводитель ДНР. Донецкая Народная Республика. Официальный сайт. 25.09.2018. <https://dnronline.su/2018/09/25/v-donetske-prezentovali-turisticheskij-putevoditel-dnr> (дата обращения 20.11.2019).

³⁰ В ДНР разработана стратегия развития внутреннего и въездного туризма на 2021–2025. DNR LIVE. 04.02.2021. <https://dnr-live.ru/v-dnr-razrabotana-strategiya-razvitiya-vnutrennego-i-vezdnogo-turizma-na-2021-2025/> (дата обращения 20.06.2021).

сколько делает их более жизнеспособными и помогает добиться большего международного признания.

Хотя постсоветские непризнанные республики различаются по доле вклада туризма в экономику, числу ежегодно принимаемых туристов, а также исходному набору туристических ресурсов, угрозы и перспективы развития туризма в них оказываются очень схожими.

Лидером в сфере развития въездного туризма является Абхазия, которая благодаря своему значительному рекреационному потенциалу (модель “3S”) опережает другие де-факто государства по его доле в ВВП и числу принимаемых туристов. ПМР и НКР (модель “3L”) находятся на второй-третьей позициях, благодаря таким факторам, как этническая солидарность (НКР), историко-культурная аутентичность и относительная безопасность (ПМР).

Территориальные структуры туризма имеют выраженные особенности географической концентрации объектов и логистики основных туристических потоков: в Абхазии туристы посещают, в основном, два северных района, в ПМР — зону между Тирасполем и Бендерами, в НКР до 2020 г. главными центрами притяжения были Степанакерт и Шуши. В Абхазии и ПМР территориальная структура имеет линейный характер, что свойственно лечебно-оздоровительному и пляжному туризму (курортные агломерации вдоль черноморского побережья или долины Днестра), с элементами очагового познавательного и приключенческого туризма, привязанного к природным и культурным объектам.

До пандемии COVID-19 эти государства проводили целенаправленную политику по развитию въездного туризма и предпринимали значительные усилия для продвижения своего туристского продукта на международном уровне, а также выхода на туристические рынки государств-патронов (например, организация комбинированных или краткосрочных туров из Армении в НКР или из России в Абхазию). Материнские государства относились к такого рода усилиям недружественно, хотя их реакция менялась от резко враждебной (в случае Азербайджана) до преимущественно толерантной (в случае Молдовы). Последняя оказалась уникальной для постсоветского пространства: здесь сложилась тесная кооперация туристических рынков материнского и непризнанного государств.

Существенно уступают первым трем республикам по уровню развития туризма Южная Осетия и ЛНР и ДНР. Усиленный режим безопасности здесь заметно ограничивает возможности рекреации и туризма и не способствует формированию позитивного имиджа. Хотя и в них уже существуют туристические маршруты и дестинации преимущественно религиозной, советской или военной те-

матики. Пока их основными потребителями являются члены различных официальных делегаций, приезжающих на различные мероприятия. С конца 2020 г. в эту группу государств перешла и Нагорно-Карабахская Республика. Территориальная структура туризма этой группы республик имеет очаговый характер и привязана к основным историко-культурным и природным объектам, дисперсно распределенным по территории, с более выраженным туристическим центром в столице, где расположена основная доля туристских дестинаций.

Таким образом, в отличие от признанных государств, главный фактор, определяющий перспективы развития туризма в непризнанных государствах, — вопрос безопасности и устойчивости границ. В условиях хрупкости геополитического положения непризнанных республик и высоких рисков дестабилизации военно-политической ситуации восстановление экономики, создание привлекательных туристских дестинаций и аттракторов не гарантируют успешное развитие туристического бизнеса. Реализация внешних угроз может очень быстро изменить ситуацию, которая до этого казалась довольно стабильной (как произошло в 2020 г. в НКР). Как показал анализ, особенности и факторы развития туризма в постсоветских де-факто республиках фактически не отличаются от других непризнанных государств в мире. Наиболее успешно туристический бизнес развивается в тех из них, где минимальны риски возобновления военных действий.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Теоретический раздел подготовлен С.В. Голуновым при поддержке Российского научного фонда (проект № 19-17-00232). Сбор материалов и их SWOT-анализ подготовлен С.В. Голуновым и М.В. Зотовой при поддержке Российского научного фонда (проект № 19-17-00232). Раздел “Состояние отрасли, количественные показатели и пространственная дифференция” выполнен М.В. Зотовой в рамках ГЗ ИГ РАН “Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности” № 0148-2019-0008 (AAAA-A19-119022190170-14).

FUNDING

Theoretical section was prepared by S.V. Golunov with the support of the Russian Science Foundation (project no. 19-17-00232). Data collection and SWOT analysis were carried out by S.V. Golunov and M.V. Zotova with the support of the Russian Science Foundation (project no. 19-17-00232). Section “State of the industry, quantitative indicators and spatial differentiation” was prepared by M.V. Zotova within the framework of the state-ordered research theme of the Institute of Geography RAS, project no. 0148-

2019-0008 (AAAA-A19-119022190170-14) “Problems and Prospects of the Russia’s Territorial Development in Terms of Its Unevenness and Global Instability.”

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александрова А.Ю. Международный туризм. М.: КНО-РУС, 2015. 470 с.
- Гончарова Д., Яковенко Н.В. SWOT-анализ развития сельского туризма в Воронежской области // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 8. С. 34–37.
- Древицкая И.Ю., Клейнер Я.С. Развитие туризма как фактор формирования позитивного имиджа Донбасса // Современные проблемы сервиса и туризма. 2017. Т. 11. № 1. С. 97–104.
- Заяц Д.В. Феномен непризнанных государств в современном мире // Географическая среда и живые системы. 2020. № 1. С. 53–69.
- Колосов В.А., Себенцов А.Б., Туров Н.Л. Неконтролируемые территории в современном мире: теория, генезис, типы, динамика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. № 14 (1). С. 23–51.
- Попов Ф.А. От “безгосударственной территории” к “государству де-факто” // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 2 (26). С. 16–28.
- Спицына М.А. Туристическая отрасль региона: SWOT-анализ развития туристического комплекса Магаданской области // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 1. С. 69–75.
- Шабалина Н.В., Тикунова И.Н. Современные процессы и явления на международном туристском рынке // География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы / под ред. В.А. Колосова и Н.А. Слукки. М.—Смоленск: Ойкумена, 2016. С. 213–224.
- Argun M.Z., Bartsits A.L. Efficiency of Resort Facilities Activity in the Republic of Abkhazia // European Res. 2012. V. 22. № 5–3. P. 708–710.
- Berg E., Vits K. Quest for Survival and Recognition: Insights into the Foreign Policy Endeavours of the Post-Soviet de facto States // Ethnopolitics. 2018. V. 17. № 4. P. 390–407.
- Caspersen N. Unrecognized States: The Struggle for Sovereignty in the Modern International System. Cambridge: Polity Press, 2012. 210 p.
- Dixon R., Dunford J., Bowes G. The best adventure holidays for 2015 // The Guardian. January 10, 2015.
- Frear Th. The foreign policy options of a small unrecognised state: The case of Abkhazia // Caucasus Survey. 2014. V. 1. № 2. P. 83–107.
- Juskalian R. Off the Map in the Black Garden // The New York Times. 21.09.2012.
- Katrandjian O. Nagorno Karabakh: The Black Garden // The Huffington Post. 01.27.2012.
- Kolosov V., Zotova M. “De-Facto Borders” as a Mirror of Sovereignty. The Case of the Post-Soviet Non-Recognized States // Historical Soc. Res. 2021. В печати.
- Kolsto P. The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States // J. Peace Res. 2006. V. 43. № 6. P. 723–740.
- Kugel S. A Warm welcome in the Caucasus mountains // The New York Times. 08.04.2015. https://www.nytimes.com/2015/04/12/travel/a-warm-welcome-in-the-caucasus-mountains.html?_r=0 (дата обращения 21.11.2019).
- Mostafanezhad M. Tourism frontiers: Primitive accumulation, and the “Free Gifts” of (Human) nature in the South China Sea and Myanmar // Transactions of the Institute of British Geographers. 2020. V. 45. Iss. 2. P. 434–447.
- Murphy A. Intersecting Geographies of Institutions and Sovereignty // The Int. Stud. Encyclopedia. Vol. 7 / R. Denemark (Ed.). Chichester: Wiley-Blackwell, 2010. P. 4628–4645.
- Sidaway J. Sovereign excesses? Portraying postcolonial sovereignty scapes // Political Geogr. 2003. V. 22. № 2. P. 157–178. [https://doi.org/10.1016/S0962-6298\(02\)00082-3](https://doi.org/10.1016/S0962-6298(02)00082-3)
- Timothy D. Tourism and Political Boundaries. London: Routledge, 2001. 236 p.

Inbound Tourism to Post-Soviet De Facto States

S. V. Golunov^{1, 2, *} and M. V. Zotova^{1, **}

¹*Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

²*IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

*e-mail: sergei.golunov@gmail.com

**e-mail: zotova@igras.ru

The paper is devoted to regional features of the development of inbound tourism in six post-Soviet de facto states—Abkhazia, Nagorno-Karabakh, Transnistria, South Ossetia, and Donetsk and Lugansk people’s republics. The authors consider territorial structures of tourism in these republics, the relevant quantitative indicators, and dynamics. The current state of these republics’ tourism sectors has been assessed using SWOT analysis methods focusing on strengths, weaknesses, opportunities, and threats that hinder the tourism business development. Special attention is paid to the group of those republics (Abkhazia, Transnistria, and Nagorno-Karabakh before 2020) where tourism was developed better than in other cases due to both their accumulated tourism potentials and available resources and relatively stable military and political conditions. For these republics, inbound tourism is an important source of income and a means to enhance one’s external legitimacy. Inbound tourism potentials of other post-Soviet de facto states (South Ossetia, Donetsk, and Lu-

gansk people's republics, and also the Nagorno-Karabakh after the 2020 war) are greatly limited by their weak recreation and financial resources, high risks of political and economic destabilization, and external threats. As opposed to tourism development prospects for internationally recognized states, similar prospects for de facto states are largely determined by security issues and the risk of resumption of hostilities. The comparison of the tourism business in post-Soviet recognized states with similar businesses in other de facto states made it possible to identify similar groups distinguished by common types of tourism, kinds of tourist attractors, contributions of tourism to national GDPs, and by numbers of received tourists. In Abkhazia, Palestine, and Northern Cyprus the most widespread kinds of tourism are beach and cultural tourism that annually attract 1 to 2 million of tourists, who usually come from a neighbor recognized state for a one-day tour. Tourism in Transnistria and Kosovo is less popular: cultural attractions of each of the two republics are visited by some 25 thousand tourists per year. Finally, in Donetsk and Lugansk people's republics, Azad Kashmir, Sahrawi Arab Democratic Republic, and Nagorno-Karabakh (after the 2020 war) only extreme and military tourisms are developed because of unstable military and political conditions, while the number of tourists does not exceed 1 thousand per year.

Keywords: inbound tourism, de facto states, Abkhazia, South Ossetia, Nagorno-Karabakh, Transnistria, Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic

REFERENCES

- Aleksandrova A.Yu. *Mezhdunarodnyi turizm: uchebnik* [International Tourism]. Moscow: KNORUS Publ., 2015. 470 p.
- Argun M.Z., Bartsits A.L. Efficiency of resort facilities activity in the Republic of Abkhazia. *European Researcher. Ser. A*, 2012, vol. 22, nos. 5–3, pp. 708–710.
- Berg E., Vits K. Quest for survival and recognition: Insights into the foreign policy endeavours of the post-Soviet de facto states. *Ethnopolitics*, 2018, vol. 17, no. 4, pp. 390–407.
- Caspersen N. *Unrecognized States: The Struggle for Sovereignty in the Modern International System*. Cambridge: Polity Press, 2012. 210 p.
- Dixon R., Dunford J., Bowes G. The best adventure holidays for 2015. *The Guardian*, 10 January 2015. Available at: <https://www.theguardian.com/travel/2015/jan/10/adventure-holidays-worldwide> (accessed: 16.08.2021).
- Drevitskaya I.Yu., Kleiner Ya.S. Development of tourism as a factor of making a positive image of Donbass. *Sovr. Probl. Servisa i Turizma*, 2017, vol. 11, no. 1, pp. 97–104. (In Russ.).
- Frear Th. The foreign policy options of a small unrecognized state: the case of Abkhazia. *Caucasus Survey*, 2014, vol. 1, no. 2, pp. 83–107.
- Goncharova D., Yakovenko N.V. SWOT analysis of rural tourism development in the Voronezh Oblast. *Aktual'nye Probl. Gumanitarnykh i Estestvennykh Nauk*, 2015, no. 8, pp. 34–37. (In Russ.).
- Juskalian R. Off the map in the Black Garden. *The New York Times*, 21.09.2012. Available at: <https://www.nytimes.com/2012/09/23/travel/off-the-map-in-nagorno-karabakh-a-region-in-the-southern-caucasus.html> (accessed: 16.08.2021).
- Katrandjian O. Nagorno-Karabakh: The Black Garden. *The Huffington Post*, 01.27.2012. Available at: https://www.huffpost.com/entry/nagorno-karabakh-the-black-garden_b_1223383 (accessed: 16.08.2021).
- Kolosov V.A., Sebentsov A.B., Turov N.L. Uncontrolled territories in the modern world: theory, genesis, types, dynamics. *Kontury Global'nykh Transformatsii: Politika, Ekonomika, Pravo*, 2021, no. 14 (1), pp. 23–51. (In Russ.).
- Kugel S. A warm welcome in the Caucasus mountains. *The New York Times*, 8.04.2015. Available at: <https://www.nytimes.com/2015/04/12/travel/a-warm-welcome-in-the-caucasus-mountains.html> (accessed: 21.11.2019).
- Medlik S. *Dictionary of Travel, Tourism and Hospitality*. Oxford: Butterworth-Heinemann, 1993. 360 p.
- Mostafanezhad M. Tourism frontiers: Primitive accumulation, and the “Free Gifts” of (Human) nature in the South China Sea and Myanmar. *Trans. Inst. Br. Geogr.*, 2020, vol. 45, no. 2, pp. 434–447.
- Murphy A. Intersecting geographies of institutions and sovereignty. In *The International Studies Encyclopedia*. Denmark R., Ed. Chichester: Wiley-Blackwell, 2010, vol. 7, pp. 4628–4645.
- Shabalina N.V., Tikunova I.N. Current processes and phenomena in the international tourism market. In *Geografiya mirovogo khozyaistva: traditsii, sovremennost', perspektivy* [Geography of the World Economy: Traditions, Modernity, Perspectives]. Kolosov V.A., Sluka N.A., Eds. Moscow, Smolensk: Oikumena Publ., 2016, pp. 213–224. (In Russ.).
- Sidaway J.D. Sovereign excesses? Portraying postcolonial sovereigntyscapes. *Polit. Geogr.*, 2003, vol. 22, no. 2, pp. 157–178.
- Spitsyna M.A. Tourism industry of the region: SWOT analysis of the development of the tourist complex of the Magadan Oblast. *Vlast' i Upravlenie na Vostoke Rossii*, 2011, no. 1, pp. 69–75. (In Russ.).
- Timothy D. *Tourism and Political Boundaries*. London: Routledge, 2001. 236 p.